

УДК 82.0(045)

Садовская Екатерина Юрьевнакандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры общего языкознания,
УО «Минский государственный лингвистический университет
kutka2000@mail.ru**ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ
КАК КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПРОЕКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Аннотация. Поколенческое и межпоколенческое взаимодействие присутствует в повседневной коммуникации и является основой любого социума, формируя, упорядочивая и поддерживая существование общества посредством накопления, сохранения и передачи опыта и знаний от поколения к поколению в их ежедневном общении. Интеракция поколений практически ориентирована, она рационализирует действия индивидов в социуме, опираясь на здравый смысл ради сохранения потомства и трансформируя личностный опыт предшествующих поколений в объективное знание для последующих поколений. Это осуществляется в повседневном и обыденном взаимодействии разных поколений. Именно художественная литература вобрала и ярко демонстрирует не только насыщенность (меж)- и поколенческим дискурсом, но и его повседневный и вместе с тем жизненно необходимый характер. Художественная литература вобрала этот опыт и демонстрирует не только насыщенность меж- и поколенческим общением, но и его повседневный и вместе с тем жизненно необходимый характер. Наиболее заметна демонстрация повседневности меж- и поколенческого взаимодействия в произведениях, посвященных взаимоотношениям в семье, взрослению детей и внуков и в бытописательных произведениях.

Ключевые слова: дискурс; меж-/поколенческий дискурс; поколение; повседневность; передача опыта; сохранение опыта; трансмиссия ценностей.

Ekaterina SadovskayaCandidate of Philology, Associate professor, postdoctoral student,
dept of general linguistics, Minsk State Linguistics University, Belarus
kutka2000@mail.ru**INTER- AND GENERATIONAL DISCOURSE AS THE CORNERSTONE OF
THE EVERYDAY FROM THE PERSPECTIVE OF FICTION**

Abstract. Inter- and generational interaction takes place in everyday communication and serves as the basis of any society as it forms, regulates and maintains the existence of society by collecting, preserving and transferring knowledge and experience from generation to generation. The interaction of generations is practice based; it rationalizes the actions of individuals in society relying on common sense for the purpose of preserving the descendants and turning individual experience into objective knowledge for the following generations. This is done in everyday mundane interaction of generations. It is fiction that has accumulated this experience; it demonstrates not only the abundance of inter- and generational interaction but also its daily presence and vital character. The most vivid description of such generational or intergenerational interaction is seen in fictional works dealing with the relationships in the family, growing up of children and grandchildren and in novels of morals.

Keywords: discourse, inter-/generational discourse, generation, everyday life, experience transfer, preservation of experience, transmission of values.

Существование любого социума строится на взаимодействии представителей различных социальных групп, которые состоят из разных поколений, т.е. базисом выступают поколенческие когорты. Взаимодействие поколений постоянно, даже ежедневно порождает «кон-

фликт поколений», который нередко является вынужденным. Художественная литература, как никакой другой вид искусства, отражает все особенности меж- и поколенческого взаимодействия, носящего как глобальный, так и повседневный характер. **Цель** статьи – выявление повседневно-

ного характера (меж-) и поколенческого дискурса в проекции художественной литературы. Это обусловлено потребностью понимания все более сложной и конфликтной человеческой коммуникации в рамках разных поколений, а также малой исследованностью проявлений меж- и поколенческого взаимодействия, что ярко проявляется в произведениях художественной литературы, позволяя увидеть меж- и поколенческие задачи, которые решаются в процессе ежедневного взаимодействия, с точки зрения повседневности.

Становление любого индивида в социуме начинается в семье, продолжается в дошкольных и учебных заведениях и далее на рабочем месте. В процессе роста и взросления индивид постоянно находится в повседневном межпоколенческом пространстве, что нашло свое отражение в таких разноплановых и одновременных произведениях, как «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Расскажи мне о море» Э. Сафарли, «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, «Горький вкус соли» Е. Оуэнс, «Прощание с матерью» В. Распутина. Художественные произведения, как правило, обращены как к событиям глобального масштаба, так и к проблемам, с которыми сталкиваются поколения в процессе обыденного ежедневного взаимодействия, вербально закрепляя социально детерминированные действия и/или предписания, регулярно воспроизводимые в повседневной реальности взаимодействующих поколений.

Многочисленные работы лингвистов, социологов, культурологов (А. Кравченко, К. Трейси и др.) позволяют дать определение «поколению»: «1) Реальное поколение (когорты) – совокупность сверстников, образующая возрастной слой населения. 2) Генеалогическое поколение (генерация) – степень происхождения от общего предка (отцы, сыновья, внуки и т.д.). 3) Хронологическое поколение – временной промежуток, в течение которого живет или активно действует данное поколение. 4) Условное поколение – общность современников, чья жизнь неразрывно связана с определенными эпохальными историческими событиями или которым приписывается некая символическая общность» [1, с.632], т.е. как группу индивидов, объединенных по наличию и/или сходству определенных признаков. Проблемы повседневности, ее места в жизни общества и человека стали предметом рассмотрения в целом

ряде работ отечественных и зарубежных ученых (М. Вебер, Б. Вальденфельс, Д. Безнюк, Ю. Борсяков, Т. Струкова, Л. Чернейко и др.).

Художественная литература демонстрирует наличие трактовки поколений во всех представленных категориях в зависимости от цели произведения. Тенденция обращаться к поколению как к генеалогической категории чаще представлена в произведениях, описывающих взаимоотношения родителей и детей, в романах взросления, в то время как условное либо реальное поколение широко представлено в исторических, социальных и философских романах. Произведения идеологической направленности и романы-эпопеи зачастую оперируют категорией реальных поколений, которые взаимодействуют в рамках определенной поколенческой программы, подразумевающей, среди прочего, передачу опыта и знаний, трансмиссию ценностей, формирование определенных установок и т.д. Осуществление подобных задач возможно в рамках повседневного взаимодействия поколений, что находит свое отражение в бытописательном романе и произведениях воспитательного характера, подразумевающих взаимодействие генеалогических генераций, понимаемых как совокупность родственников одной ступени родства по отношению к общему предку [4]. Преимущественно это взаимодействие бабушек-дедушек, родителей и детей и внуков, которые объективно взаимодействуют друг с другом на ежедневной основе. В данном случае можно рассматривать повседневность как среду нахождения и сферу функционирования меж- и поколенческого дискурсов: «Повседневность – это целостный мир, в котором человек существует и взаимодействует с другими...» [7], а существует индивид всегда в рамках того или иного поколения: «...индивид, как бы он ни был неповторим и стремился таковым быть, есть часть своего поколения, которому присущи тот же горизонт понимания, время, пространство, история и социальные проблемы» [7].

Межпоколенческий и поколенческий дискурсы в настоящий момент представляют собой малоизученные виды дискурсов. Заметим, что межпоколенческий дискурс подразумевает четко эксплицированную обращенность одного поколения к другому и их интеракцию, в то время как поколенческий предполагает участие одного

поколения в процессе взаимодействия без идентификации собеседника в качестве представителя иного поколения. Два данных вида дискурса помогают выстраивать поведение и общение в мире в процессе преимущественно рутинного ежедневного взаимодействия, и этот мир отличается для разных поколенческих когорт.

С социологической точки зрения, повседневность обращена на проживание и действие поколений в мире обыденного. Повседневность «...наделена рядом характеристик, которые должны были выделить ее из ряда культурных феноменов знаниевого порядка (науки, философии, религии и пр.). В качестве таких характеристик были предложены: практический характер, проявляющийся в постоянном удовлетворении потребностей; несомненность и очевидность (самоочевидность); типизирующая интерсубъективность (способы и характер «работки» жизненного материала, его упорядочивания); постоянная рационализация как состояние сознания; удаленность от высокой рефлексии (опора на здравый смысл); ряд темпоральных характеристик повседневности (доминирующий характер и пр.); высокая степень самодостаточности и сопротивляемости вторжения извне; субъективный характер, интерпретируемый и расширяемый до объективного мира» [2, с.23]. Произведения художественной литературы демонстрируют приложимость данных характеристик к проявлениям рассматриваемых дискурсов на уровне повседневных практик.

Прежде всего, взаимодействие поколений направлено на удовлетворение определенной группы потребностей, включая сохранение рода и, соответственно, передачу опыта и знаний с одновременным обучением молодых поколений, трансмиссию (уже зафиксированных) социальных ценностей и поддержание социальных норм, необходимых для существования социума, со стороны старших поколений. Потребности младших и/или молодых поколений представляют собой необходимость получения заботы, той или иной формы поддержки, а также доступа к ресурсной базе (будь то психологическая либо материальная поддержка). Эволюционное развитие подразумевает несомненность межпоколенческого взаимодействия, так как социум существует благодаря преем-

ственности поколений, задействуя как биологическую, так и социальную составляющую поколений. Обработывая и передавая информацию и накапливаемый опыт, поколения используют определенные алгоритмы, также транслируемые из поколения в поколение и упорядочивающие окружающий мир и жизненно необходимые действия определенным образом, позволяющим безбарьерно пользоваться данной «копилкой» последующим поколениям в рамках обыденного дискурса. Обыденный дискурс является базовым для любой культуры, достигшей определенного уровня цивилизации, так как отражает накопленный поколениями опыт стихийного постижения действительности и представляет собой вербализацию обыденной картины мира со всей ее логикой и мифологией [9, с.68].

Обыденная картина мира невозможна без повседневной культуры и «охватывает небольшой объем мира (микромир). Человек осваивает ее с первых дней жизни – в семье, в общении с друзьями. Через тесные спонтанные контакты он овладевает теми навыками, знаниями и стереотипами поведения, которые в дальнейшем служат базой для приобщения к специализированной культуре», это «сфера общепонятных знаний и общедоступных навыков, полученные благодаря трем источникам: общению в малой группе (семья, ровесники, родня), обучению в школе и получению общего образования, средствам массовой информации» [5, с.421]. Бытовой дискурс в целом критичен для экзистенции, так как ограничивает бесконечную реальность (идея постструктуралистов), базируется на накопленных социумом знаниях (в рамках идей социального конструкционизма) и, наконец, непосредственно вовлечен в социальные события.

Следующим важным параметром повседневных практик является обращенность к здравому смыслу, который лежит в основе выживания любой человеческой когорты, а также к рациональности и полезности принимаемых решений, подразумевающих одновременно наименее ресурсно затратные способы решения проблем. Происходит введение знаний и опыта предшествующих поколений в существующую реальность. Соединяются здравый смысл и рациональность, основывающиеся на повторяемых из поколения в поколение действиях. Ю. Дроз-

дова считает, что феноменологический подход позволяет «рассмотреть [повседневность] как целостный социокультурный жизненный мир, конструируемый и репрезентируемый в постоянных, привычных социальных практиках типичными представителями в определенной пространственно-временной локальности [3].

Повторяемость и вырабатываемая в процессе ежедневного повторения каких-либо действий определенная бессознательность при их совершении – формы культурных практик как повседневности, так одновременно и межпоколенческого дискурса, где неотъемлемым элементом выступает регулярное ежедневное взаимодействие на уровне семейных статусно-иерархических отношений: родители – дети, внуки/внучки – бабушки/дедушки и прабабушки/прабабушки. Повседневность межпоколенческих интеракций подразумевает необходимость справляться и с бытовыми проблемами, так и потребность в решении более масштабных и даже глобальных задач, о чем свидетельствует следующий пример:

«Майкл, отец-одиночка, постоянно спорил с сыном-подростком, требовавшим купить ему машину. В конце концов Майкл спросил:

- Тебе кажется, что я тебя не люблю, раз не покупаю тебе машину?

- Я не понимаю, - ответил Джейсон, его сын,
- почему у тебя есть машина, а мне иметь ее нельзя.

- Это кажется тебе несправедливым?

- У всех моих друзей есть машины!

- Ты думаешь, родители любят их сильнее, чем я люблю тебя? – спросил Майкл.

- Нет, – сказал Джейсон. Но я не понимаю, почему не могу иметь машину.

- Как ты думаешь, почему я не покупаю тебе машину?

- Ты сказал, что мы не можем себе это позволить.

- Ты считаешь, что я тебе вру?

- Нет. Но почему мы не можем себе этого позволить?

- Давай сядем, и я расскажу тебе о нашем финансовом положении, - предложил Майкл.
– Я покажу тебе, почему эти траты для нас непосильны.

- Не надо, - отказался Джейсон. – Я тебе верю.» (Г. Чепмен. Любовь как образ жизни)

Повторяемость и цикличность являются типичными чертами поколений и, соответственно, поколенческих интеракций. Каждое пятое поколение похоже на первое. Определенные действия, совершаемые представителями одного поколения, будут позднее повторены последующим поколением. Это и есть характеристики повседневности: «В обыденности есть темпоральность и повторяемость, событийность и бессобытийность, цикличность и линейность, неразрывность и дискретность, движение и остановка» [7].

Еще одной особенностью поколений является их целостность. Объединяясь, поколения могут противостоять любому сопернику/давлению извне (как прямо, так и косвенно). В частности, вне зависимости от географической локации и страновой принадлежности, старшие поколения отстаивают сохранение определенных социальных норм, правил поведения и речи, этикета. Это зачастую приводит к конфликту поколений; младшие поколения отрицают конформизм и консерватизм старших и бунтуют; в таком случае возникает конфронтация «младшие против старших» и наоборот:

«Смотрите, ребята, – говорит она, кладя телефон в центр стола. – Предлагаю для обсуждения очередное слово, которое меня бесит: «позже». – Позже?

– Ага, как способ дать понять, что разговор окончен. «Позже» – это когда? Завтра? Или сегодня, но позже? Или это просто такие подростковые отмазки, которые вообще ничего не значат?» (Джоджо Мойес. Последнее письмо от твоего любимого)

В случае событий глобального масштаба или иных исторических событий высокой степени важности поколения также объединяются (военное поколение, сражавшееся во время Второй мировой войны, поколение шестидесятников периода хрущевской оттепели и т.п.).

Прожив, испытав и осознав свой личностный опыт, поколения его трансформируют и транслируют вовне, превращая его, таким образом, в объективное знание, которое усваивается потомками и применяется без дополнительного обдумывания либо обсуждения, т.е. повседневность определяет мышление и образ мысли индивидов и, соответственно, взаимодействие с

другими індивідами в соціумі, а передаване знання превращається в соціальний продукт:

«— Знаєш, в грусти нет ничего плохого, — прозвучав Ентони, отдавая сыну фотографію. — Когда теряешь любимого человека, можно и погрузиться, — тщательно подбирая слова, объяснил он. — Вообще-то, — начал он, но голос подвел его, сердце защемило, и ему потребовались все силы, чтобы собраться, — вообще-то, мне тоже грустно. Очень грустно. Невыносимо терять любимого человека, так что я тебя прекрасно понимаю. — Но я очень рад, что теперь ты со мной, потому что ... потому что я думаю, вместе мы с этим справимся. Что скажешь?»

Филипп уткнулся отцу в плечо и обнял его своими худыми ручонками. Постепенно его дыхание стало равномерным, но отец с сыном еще долго сидели, обнявшись и думая каждый о своем» (Джоджо Мойес. Последнее письмо от твоего любимого)

В процессе обыденного взаимодействия формируются социальные нормы, правила поведения, закрепляется главенство определенного общественного порядка через воздействие социума на индивида и наоборот: «Доминирующие властные стратегии эпохи воздействуют на ежедневную жизнь (даже если человек не осознает этого), а личность формирует отношения с обществом через собственные повседневные тактики» [7]. Подобные практики осуществляются в рамках меж- и поколенческого взаимодействия, которое базируется на опыте предшественников и накопленной исторической памяти, из которых составляются алгоритмы действий в обыденной жизни, ведь, по мнению Д. Безнюка, «Повседневность — проживание ежедневности, рутинизация хода жизни ... историческая память требует определенной политики ее презентации и интерпретации. Эта политика — механизм вторжения в повседневность, механизм, запускающий припоминание — воплощение причин встречи и инклюзии исторической памяти в мир повседневности» [2, с.24]. Именно взаимодействие поколений формирует и изменяет практики и их оценку со стороны социума:

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безнюк Д.К. Повседневность: инклюзия исторической памяти / Д. К. Безнюк // Исто-

«— Дети, не мешайте, — отодвинул нас банками мой отец, — и вообще, зарубите себе на носу — когда мужчина действует, женщина должна молчать. И трепетать. Ясно?» (Н. Абгарян. Манюня)

Следующей рутинно-ежедневной практикой является передача опыта, который фиксируется в виде верований (необязательно религиозного характера), «... в которых сосредоточено основное наследство прошлого...» [7] и которые «формируют коллективное бессознательное. Консолидированное бессознательное помещает реальность внутрь повторяющихся схем, по которым человек действует изо дня в день» [Там же]. Данные схемы обеспечивают экономию усилий индивидов, составляющих поколенческие когорты, и освобождают энергию для решения целей более высокого порядка, нежели удовлетворение потребностей первого и второго уровня иерархии потребностей А. Маслоу:

«—В жизни есть не слишком приятные вещи, но их все равно надо делать, — пожимает плечами Марк. — Нельзя делать лишь то, что любишь, и то, что хочешь» (П. Друкерман. Французские дети не плюются едой. Секреты воспитания из Парижа)

Выводы. Художественная литература позволяет фиксировать меж- и поколенческие практики, хранить и передавать накопленные знания и опыт посредством преобразования речевой деятельности героев литературных произведений: «Речевая деятельность осуществляется индивидом ... для того, чтобы путем знакового управления деятельностью реципиента как адресата способствовать успешности деятельности говорящего индивида» [6, с.24]. Она демонстрирует не только насыщенность меж- и поколенческим дискурсом, но и его повседневный и вместе с тем жизненно необходимый характер. Наиболее заметна демонстрация повседневности меж- и поколенческого взаимодействия в произведениях, посвященных взаимоотношениям в семье, взрослению детей и внуков и в бытописательных произведениях.

рическая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междун.

- науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27 сентября 2019 г. / ред. кол. : Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : ООО «СУГАРТ», 2019. – С.23-24.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн: МФЦП, 2002. – 1008 с.
 3. Дроздова Ю. А. Дискурсы повседневности и аффектов в тексте регионального пространства (на примере Волгоградской области) / Ю. А. Дроздова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursy-povsednevnosti-i-afektov-v-tekste-regionalnogo-prostranstva-na-primere-volgogradskoy-oblasti> – Дата доступа : 20.05.2021.
 4. Картослов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : - <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> – Дата доступа : 10.05.2021.
 5. Кравченко А. И. Культурология: Словарь / А. И. Кравченко. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2001. – 672 с.
 6. Сидоров Е. В. Онтология дискурса [Текст] / Е.В. Сидоров. – Москва : URSS : Издательство ЛКИ, 2008. – 228 с.
 7. Струкова Т. Г. Проблема обыденности в дискурсе о литературе / Т. Г. Струкова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2017/01/2017-01-06.pdf> – Дата доступа : 22.05.2021.
 8. Трейси К.. Повседневный разговор. Строение и отражение идентичности / Пер. с англ. / К. Трейси, Дж. Роблз. – Харьков : изд-во «Гуманитарный центр» / А.В. Коченгин, 2015. – 448 с.
 9. Чернейко Л. О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? / Л. О. Чернейко // Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – С. 52-71.

REFERENCES

1. Beznyuk D.K. Povsednevnost: inkluzia istoricheskoi pamyati [The Everyday: inclusion of historical memory]. Istoricheskaya pamyat o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, Sept. 26-27, 2019 [Historical memory of Belarus as a factor of society consolidation: proceedings of the international scientific practical conf.]. Minsk, Sugart, 2019, P. 23-24. (in Russian)
2. Bolshoi Encyclopedicheskii slovar: philosophia, sotsiologia, religia, esoterism, politekonomia [Big Encyclopedic Dictionary: philosophy, sociology, religion, esoterism, poliical economy]. Minsk, MFSP, 2002, 1008 p. (in Russian)
3. Drozdova Yu. A. Diskursy povsednevnosti i affektov v tekste regionalnogo prostranstva (ne primere Volgogradskoi oblasti) [Discourse of the everyday and affects in the text of regional space (on the example of Volgograd region)]. Web: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursy-povsednevnosti-i-afektov-v-tekste-regionalnogo-prostranstva-na-primere-volgogradskoy-oblasti> – Accessed: 20.05.2021. (in Russian)
4. Kartaslov. Web: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> Accessed: 10.05.2021.
5. Kravchenko A. I. Kulturologia: Slovar [Cultural Studies: Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proekt, 2001. 672 p. (in Russian)
6. Sidorov E. V. Ontologia diskursa [Discourse Antology]. Moscow, URSS. LKI publishers, 2008. 228 p. (in Russian)
7. Strukova T. G. Problema obydennosti v diskurse o literature [The problem of the everyday in literature discourse]. Web: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2017/01/2017-01-06.pdf> Accessed: 22.05.2021. (in Russian)
8. Tracy K. Povsednevnyi pazgovor. Stroenie I otrazhenie identichnosti / trans. From English [Everyday talk. Building and Reflecting Identities]. Kharkov, Gumanitarnyi centr publishers, 2015. 448 p. (in Russian)
9. Cherneiko L. O. Diskurs: yazykovaia realnost ili lingvisticheskaia mifologia? // Diskurs i stil: teorēticheskie i prikladnye aspekty: koll. monografia. Moscow, Flinta: Nauka, 2014. P. 52-71. (in Russian)